

В. И. АЛАТЫРЕВ (Ижевск)

О ФИНСКОМ *kansa* И ПЕРМСКОМ *kuz, goz*

В финно-угорском языкознании принято, что удмуртское *kuz* 'пара' (в диалектах и *küz*), коми *goz* 'пара' этимологически соответствуют финскому *kansa* 'народ, люди', *kanssa* 'с', эстонскому *kaas(a)* 'товарищ, супруг, супруга', саамскому *gažze* 'seura, talonväki'; *kānc* 'kumppani', *oättsie* 'väki', карельскому *kanža* 'народ, общество, компания' (Т. Е. Уотила, *Syrjänische Chrestomathie mit grammatikalischem Abriss und etymologischem Wörterverzeichnis*, Helsinki 1938, стр. 81; Y. H. Toivonen, *Suomen kielen etymologinen sanakirja I*, Helsinki 1955, стр. 156—157).

На первый взгляд может показаться, что приведенные выше лексические соответствия вполне убедительны: семантика их относительно близка; начальные согласные и под вопросом гласные первого слога в общих чертах укладываются в систему звукосоответствий, которые установлены сравнительно-историческим языкознанием.¹

Однако в лингвистической литературе существует мнение, согласно которому этимологическая связь пермских *kuz, goz* с прибалтийско-финским *kansa* сомнительна. В. И. Лыткин, сопоставляя вышеуказанные слова (со ссылкой на Уотила), замечает: «Не был ли в прибалтийско-финских языках гласный переднего ряда . . .» И далее пишет: «В нашем перечне слов имеется два примера, которым в финском языке соответствуют гласные заднего ряда: *goz* (фин. *kansa*) и *pož* (фин. *pohtaa, ? pyhä*). Нужно заметить, что сопоставление этих финских слов с пермскими словами не убедительно».² Известно также, что в свое время Томсон считал прибалтийско-финское *kansa* германским заимствованием.

Нам представляется, что сомнение В. И. Лыткина в отношении этимологической связи названных выше прибалтийско-финских слов (*kansa, kanssa*) со словами пермских языков (*kuz, goz*) имеет определенное основание. Прежде всего семантически они не совсем адекватны, ср. фин. *kansa* 'народ, люди', *kanssa* (предлог) 'с' и удм. *kuz* 'пара', коми *goz* 'пара'. Далее, третий звук (согласный) не во всех случаях корреспондирует. Дело в том, что внутри или в конце слова пермскому твердому согласному *z* в прибалтийско-финских языках чаще всего соответствует не *ns, nt*, а *s*: удм. *puz* 'яйцо', коми *poz*,

¹ J. Szinyei, *Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft*, Berlin—Leipzig 1922, стр. 21; W. Steinitz, *Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus*, Stockholm 1944, стр. 12, 32 сл.

² В. И. Лыткин, *Исторический вокализм пермских языков*, Москва, 1964, стр. 35, 71.

фин. *pesä* 'гнездо', эст. *pesa*, саам. *bässe*; удм. *kiz* 'ель', коми *koz*, фин. *kuusi*, эст. *kuusk*, саам. *guossá*; удм. *joz*, коми *jez-vi* 'сустав, колено, звено; сила', фин. *jäsen* 'сустав, член', эст. *jäse* и т. д.

Прибалтийско-финскому *nt* (*ns*) в пермском соответствует *d* (или *t*): удм. *edj* 'сила', коми *ed*, *edje* 'быстро, жара', фин. *into* 'усердие, рвение, энтузиазм, вдохновение', эст. *ind*; удм. *gid* 'хлев', коми *gid* 'небольшой теплый хлев (для овец, коров), предхлевник', фин. *kontä*, *konttä* 'плац, площадь, поле'; удм. *udinj* 'напоить, поить', коми *udnj* 'кормить-поить', фин. *antaa* 'дать', эст. *anda* (J. Szinnyei, указ. раб., стр. 34—35; W. Steinitz, указ. раб., стр. 10, 30, 118, 133; Y. H. Toivonen, SKES I, стр. 108; Y. H. Toivonen, E. Itkonen, A. J. Joki, SKES II, Helsinki 1958, стр. 251; E. Itkonen, A. J. Joki, SKES III, Helsinki 1962, стр. 531).

По нашему мнению, удмуртское *kuz* и коми *goz* представляют собою заимствования из древних тюркских племенных языков. Они совпадают с соответствующими тюркскими словами семантически и фонетически.

Обратимся к примерам из тюркских языков. Понятия 'пара, парный, двойной' здесь выражаются словами-формами *kuš*, *koš*, *kos*, *χos*, *goš* и т. д. Ср.: татар. *kuš* 'двойной, парный, слитный', башк. *quš* 'пара, двойной, парный, слитный'; ойротское *kožo* деепричастие от глагола *koš-* 'прибавлять, спаривать, смешивать, присоединять'; азербайджанское *goša* 'парный', тувинское *koš* 'парный, двойной, сдвоенный, расположенный по два'; уйгурское *koš* 'пара'; киргизское *qoš* 'пара, парный, двойной'; хакасское *χos* 'пара, парный, двойной, соединенный, присоединенный'; каракалпакское *koš* 'пара'. В словаре Радлова: *kos*, *kuš*, *koš* 'пара; состоящий из двух равных частей, парный; двойка; один из двух супругов, муж или жена'.³ Это же слово встречается в монгольском языке — *χos* 'пара'; в бурят-монгольском — *χos* 'пара, парный'.

В тюркологической литературе принято, что корень *qoš-*, *χos-*, *qos-* имеется и в глаголах со значением 'прибавлять, добавлять, спаривать, присоединять'⁴; ср. татар. *kušu* 'присоединять, приставлять, приложить, сложить, сводить, свести'; башк. *qušju* 'соединять, присоединять, сливать, сложить'; ойротское *koš-* 'присоединять, добавлять, спаривать, смешивать', *košor* 'прибавка, добавление'; азербайджанское *košmak* 'запрягать, присоединять, сочинять'; киргизское *quš-* 'спарить, прибавить, присоединить'.

Совершенно аналогичные связи обнаруживаются в древнетюркских языках, например, в языке среднеазиатского тефсира XII—XIII вв.: *qoš* 'пара', *qošur-* 'соединять' (А. К. Боровков, Лексика среднеазиатского тефсира XII—XIII вв., Москва 1963, стр. 215). У С. Е. Малова *qoš-* 'составлять'.⁵

Характерно то, что позднее удмуртский язык заимствовал, по-видимому, из татарского глагол с суффиксом *-la-* (*-li-*): *kušlanj* 'женить, свести, познакомить', с возвратной формой: *kušlaškini* 'сдружиться, познакомиться, жениться' (ср. татар. *kušilu* 'соединяться, сливаться, слиться, сходиться, сойтись', башк. *qušilu* 'соединиться, примыкать, смешаться, сливаться').

³ В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий II, Москва 1963, стр. 622, 635, 1025. Все тюркские примеры даны в транскрипции.

⁴ Э. В. Севортьян, Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке, Москва 1962, стр. 373.

⁵ С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, Москва 1951, стр. 414.

Звуковые соответствия между тюркскими начальными согласными и гласными первого слога и соответствующими звуками пермских языков в приведенных выше словах вполне закономерны: тюркские *k* и *χ* в начале слов в пермских дают *k*: тюркские *o* и *u* в пермских дают *o* и *u*.

Примеры: 1. Татар. *kaš*, уйгур. *kaš*, башк. *qāš*, алт. *kaš*, казах. и каракалп. *kaš*, удм. *kaš* 'бровь'; татар. *kabak*, алт., кирг. *kabak*, казах., башк., каракалп. *qabak*, удм. *kabak* (диал.) 'тыква; веко'; татар. *χur itü*, удм. *kur karjñi* 'опозорить, оконфузить, осрамить, бесчестить'; татар. *kolik*, удм. *kilik* 'нрав, поведение, характер'.

2. Татар. *kubiz* 'губной музыкальный инструмент', башк. *kubiz*, *ku-miz* 'щипковый музыкальный инструмент', киргиз. *kobuz*, *komuz*, турецк. *koruz*, чув. *kopis*, *kobis* 'скрипка', якутское *χomus*, удм. *kubiz* 'старинный музыкальный инструмент, похожий на дудку'; татар. *kušamat* 'прозвище, кличка, прозвание', башк. *qušamat* 'прозвище', в словаре Радлова *kušamat* 'прозвище'; удм. *kušamat*, *kušem* (*ñim*) 'прозвище'; татар. *koda* 'сват', в словаре Радлова *kuda* 'сват; друг, товарищ', удм. *kudo* 'сват'. Могут вызвать сомнение звукосоответствия тюркских глухих согласных *š*, *s* (в конце слов) и пермского звонкого *z*: тюркское *kuš*, *kos*, *χos* и пермское *kuz*, *goz*. Но это сомнение исчезнет, если учесть, что в некоторых словах тюркское глухое *š*, *s* (в конце слов) соответствует пермскому звонкому *z*. Для сравнения приведем примеры только из татарского языка, в остальных тюркских языках они в основном однотипны. Татар. *pesü* 'вариться, печься, испечься, обжечься, созреть, обгорать, загорать', удм. *pižini* 'печь, испечь', коми *pežni* 'печь, испечь, парить'; татар. *ošü* 'зябнуть, мерзнуть, замораживаться, чувствовать озноб', удм. *iž- iž- iž-* (или *iš- iš- iš*) выражает зрительно-осознательный образ ощущения холода (озноба). Ср. также татар. *pišaklaw* и удм. *pižirani* 'моросить' или удм. *pužej* 'олень' и татар. *poši* 'лось'.

Но это явление можно объяснить и другим законом: озвончением тюркского конечного глухого на пермской почве, т. е. тюркское *kos* (*koš*, *kus*) в пермских могло перейти в *koz*.

Такой переход мог совершиться:

а) вследствие стремления избежать омонимии, например, при глухом произношении конечного согласного в заимствуемом слове получилось бы полное звуковое совпадение со словом, функционирующим в пермских языках, ср. удм. *kus* 'поясница, талия' и тюркское *kus* (*kos*) 'пара'; коми *kos* 'поясница, талия; суша, сушь, мель, коса' и тюркское *kos* 'пара';

б) на озвончение конечного глухого согласного в заимствуемом слове могли оказать воздействие (в структуре предложения) последующие слова, начинающиеся с гласного или сонорного звука.

Наконец, несколько слов о начальных согласных *g* и *k* в пермских словах (коми *goz* и удм. *kuz*). В финно-угорском языкознании давно известно, что в определенной группе лексики удмуртскому *k* в начале слова в коми языке закономерно соответствует *g*: удм. *keli* 'галька' — коми *gala*; удм. *kibi* 'мошка' — коми *geb*; удм. *kut* 'муха' — коми *gut*.⁶

⁶ Т. Е. Uotila, Zur geschichte des konsonantismus in den permischen sprachen, Helsinki 1933, стр. 8—10; Д. В. Бубрих, Историческая фонетика удмуртского языка, Ижевск 1948, стр. 85—86; В. И. Лыткин, Историческая грамматика коми языка, ч. I, Сыктывкар 1957, стр. 89—90.

В отношении этимологии прибалтийско-финского слова *kansa* (*kaa-za*, *kanža* и т. д.) в порядке рабочей гипотезы хотим высказать следующую мысль: можно допустить, что прибалтийско-финское слово *kansa* (*kaaза* и т. д.), если только оно не заимствовано из германских языков, имеет древнейшие связи с тюркскими словами *kus*, *kuš*, *kos*, *χos*. На эту мысль прежде всего наталкивают значения их. Дело в том, что в отдельных тюркских языках слово *koš* обозначает не только 'пара', но и понятия, почти идентичные финскому слову *kansa*. Так, например, в словаре В. В. Радлова слово *koš* переводится 'ставка, лагерь, войско; общество; юрты, стоящие вдали от аула; временная юрта, маленькая юрта, в которой временно живут рабочие; шалаш, лачуга; гурт, стадо';⁷ каракалпакское *kos* 'временная юрта, шалаш, палатка, навес; совокупность земледельческих орудий с рабочим скотом и рабочей силой'; киргизское *qoš* 'временная юрта; маленькая юрта, в которой временно живут рабочие, или юрта, употребляемая во время дальних перекочевков, походов'.

Таким образом допустимо, что приведенные тюркские и прибалтийско-финские слова представляют собой урало-алтайское наследие. В этом плане пермские слова *kuz*, *goz*, непосредственно-заимствованные из тюркских языков, могут иметь опосредственную связь и с названными прибалтийско-финскими словами.

V. I. ALATYREV (Iževsk)

ABOUT FINNISH *kansa* 'PEOPLE' AND PERM *kuz*, *goz* 'PAIR, TURN'

It is pointed out in the article that the comparison of the Finnish word *kansa* 'people', the Karelian *kanža*, the Estonian *kaas(a)* 'husband, wife, comrade', etc., with the Udmurt *kuz* and the Komi *goz* 'pair, turn' in the etymological sense from the point of view of phonetics and partly that of semantics, is dubious. The author thinks that these Perm words were borrowed from the old Turkic tribal languages. In the modern Turkic languages one finds the words *kus*, *koš*, *kuš*, *goš* meaning 'pair, turn, double'; they correspond fully (both phonetically and semantically) to the Perm *kuz*, *goz*. However, it is admitted that the Pre-Baltic-Fennic and Turkic words originated in the Ural-Altai period. It is only from this point of view that one may speak of an etymological connection between the given Perm and Pre-Baltic-Fennic words.

⁷ В. В. Радлов, указ. раб., стр. 636—638.